Архитектура наших встреч

Александр А.

Александр А.

Архитектура наших встреч

«Автор»
2026

А. А.

Архитектура наших встреч / А. А. — «Автор», 2026

Архитектор Илья и реставратор Алина случайно встречаются в старинном особняке в центре Москвы, который готовят к сносу. Он должен спроектировать на его месте стеклянный бизнес-центр, а она спасти уцелевшие фрески. Их профессиональные цели противоположны, но за три месяца до сноса здания им предстоит решить, что важнее: построить будущее из стекла или сохранить прошлое из камня.

© А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пыль и чертежи 6
Глава 2. Синий цвет на сером бетоне 9
Глава 3. Геометрия и органика 12
Глава 4. Клей на костном бульоне 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Александр А.
Архитектура наших встреч

Александр А.

Архитектор Илья и реставратор Алина случайно встречаются в старинном особняке в центре Москвы, который готовят к сносу. Он должен спроектировать на его месте стеклянный бизнес-центр, а она спасти уцелевшие фрески. Их профессиональные цели противоположны, но за три месяца до сноса здания им предстоит решить, что важнее: построить будущее из стекла или сохранить прошлое из камня.

Глава 1. Пыль и чертежи

Запах старой штукатурки, сухой древесной трухи и застоявшейся пыли въелся в кожу Ильи еще на прошлой неделе, когда он впервые пришел на объект с лазерным сканером. Бывший доходный дом купца Рябинина на Сретенке умирал. По стенам змеились глубокие трещины, лепнина на потолке осыпалась пожелтевшей гипсовой крошкой, а сквозь щели в рассохшихся дубовых рамах февральский ветер гнал по паркету сухие листья, залетевшие с улицы.

Илья любил этот запах. Для большинства людей это был запах разрухи и запустения. Для него — запах чистого холста.

Он стоял в центре бывшего парадного зала, вдыхая морозный воздух через респиратор, и смотрел наверх. Тридцать метров пустоты до потолка, где когда-то висела огромная хрустальная люстра. Сейчас на ее месте торчал обрубок железной трубы.

— Здесь будет атриум, — пробормотал Илья в диктофон, делая пометку в планшете. — Несущие стены оставить, но перекрытия второго этажа демонтировать. Панорамное остекление от пола до потолка.

Он был архитектором в бюро «Горизонт». Его босс, Станислав Игоревич, называл это «хирургической работой». Вырезать из гнилого тела старого города больную плоть и вшить на ее место сверкающий имплант из стекла и бетона. Проект нового бизнес-центра «Сфера» уже выиграл тендер. Инвесторы хотели видеть Москву современной, динамичной, устремленной ввысь. А Илья был тем самым скальпелем.

Он любил геометрию. Прямые линии, идеальный расчет нагрузок, стекло, которое не стареет. Старость — это коррозия, это плесень в подвалах, это скрип половиц по ночам. Илья ненавидел скрип. Его собственная квартира в Москва-Сити была стерильной, как операционная.

Луч фонаря выхватил из темноты дверной проем, ведущий в смежную комнату. Илья направился туда. Ему нужно было проверить состояние фундамента в углах — самая слабая точка любого старого здания.

Он толкнул тяжелую дубовую дверь. Она поддалась с неохотно, издав звук, похожий на стон. В лицо ударил другой запах. Не сухой пыли, а влажной земли, клея и чего-то неуловимо химического, похожего на скипидар.

Фонарь мазнул по стене. Илья замер.

Прямо перед ним, из-под наслоений желтых газет восьмидесятых годов и дешевых советских обоев, проступал цвет. Глубокий, почти болезненно-синий ультрамарин. Илья подошел ближе, провел рукой в перчатке по бумаге. Обои отвалились пластом.

Под ними была живопись.

Не остатки советской наглядной агитации, которые он ожидал увидеть, а старая, дореволюционная фреска. Угол комнаты был расписан под беседку, увитую глициниями. Краски, несмотря на вековую пыль, сохранили глубину. Каждая складка нарисованной ткани казалась настоящей. В углу, у самого плинтуса, виднелась полустертая, едва различимая подпись: *А. Воронова, 1908*.

Илья присел на корточки. Его пульс, до этого ровный и профессиональный, участился. Это была не просто старая краска. Это была работа уровня Бакста или Врубеля, спрятанная здесь, в купеческом доме, который он пришел сносить.

Он достал телефон. Руки слегка дрожали. Нужно сфотографировать, отправить Станиславу. Инвесторы должны знать, что в стене есть историческая ценность. Это замедлит снос на полгода, потребует экспертиз, но закон есть закон.

Вспышка телефона резанула по глазам. На секунду синий ультрамарин показался неестественно ярким. Илья сделал еще несколько снимков, меняя ракурс.

— Не стоит этого делать.

Голос раздался из темноты за его спиной. Илья резко обернулся, роняя телефон. Экран ударился о паркет с сухим треском.

В дверном проеме стояла девушка. Свет от его фонаря на каске падал ей на лицо, и Илья на мгновение забыл, как дышать. Она была не из этого времени. Не из мира респираторов, касок и лазерных уровней. На ней был застиранный серый комбинезон реставратора, перепачканный известью, но под ним угадывалась хрупкая, почти подростковая фигура. Волосы, убранные под бандану, выбили несколько влажных темных прядей на лоб. А глаза… Илья никогда не видел глаз такого цвета. Не карий, не зеленый, а какой-то чайный, янтарный, в котором сейчас плескалось холодное, сдержанное раздражение.

— Вы кто? — хрипло спросил Илья, поднимая телефон. Экран, к счастью, уцелел. — Как вы прошли через пост охраны?

— Охрана знает, что я здесь, — она шагнула в комнату, и Илья заметил в ее руках скальпель для работы с бумагой и мягкую кисть. — Я Алина. Реставратор. Меня наняло городское управление по наследию, чтобы снять эти фрески до того, как вы превратите этот дом в парковку.

— В бизнес-центр, — автоматически поправил Илья, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. — И работы на объекте не согласованы. Я главный архитектор проекта. Здесь не должно быть посторонних. Тем более с режущими предметами.

Алина усмехнулась. Уголки ее губ дрогнули, но глаза остались серьезными. Она подошла к стене, присела рядом с ним на корточки — движения у нее были легкие, кошачьи — и провела кистью по краю отвалившегося куска обоев.

— Посторонняя? — переспросила она, не глядя на него. — Этот дом — моя работа. А вы, архитектор, сейчас держите в руках разрушителя.

— Я держу в руках будущее, — Илья выпрямился. Он не любил конфликты, но сейчас чувствовал себя так, будто кто-то пытается украсть у него чертежи прямо со стола. — Этот дом аварийный. Он представляет угрозу. Мы сохраняем фасад, как того требует регламент, но внутренности — это просто гнилые балки.

— Вы смотрите сквозь стены, — Алина подняла на него свои чайные глаза. В полумраке они казались почти черными. — Вы видите только квадратные метры и нагрузку на фундамент. А здесь, — она коснулась нарисованной глицинии, — живет время. Здесь пахнет клеем, который варили на костном бульоне сто лет назад. Здесь женщина по имени А. Воронова сидела на подоконнике в марте тысяча девятого и смотрела, как тает снег. Вы хотите убить это ради стеклянной коробки, в которой люди будут пить плохой кофе и делать вид, что они счастливы.

Илья почувствовал, как краснеет шея. Она била не в проект, она била в него самого. В его стерильную квартиру, в его планы на жизнь, в которых не было места ни старой штукатурке, ни женщинам с банданой на голове.

— Это сентиментальный бред, — отрезал он. — Здания должны служить людям. А не люди — зданиям. Фреска будет демонтирована, передана в музей, и на этом всё. А теперь, пожалуйста, покиньте объект. Я вызову охрану.

— Попробуйте, — Алина вернулась к своей работе. Она достала из кармана комбинезона пульверизатор и мелкодисперсно опрыскала фреску. — Я работаю здесь по государственному контракту. А вы, судя по вашему планшету, еще даже не получили финальное разрешение на демонтаж перекрытий. Так что технически это я сейчас выгоняю вас за нарушение техники безопасности. У вас каска застегнута неправильно.

Илья посмотрел на свою каску, потом на ее спину. Она уже полностью погрузилась в работу, аккуратно подрезая скальпелем край бумажного слоя, чтобы добраться до следующего фрагмента росписи. Она двигалась так, словно резала не бумагу, а ткань живого существа — максимально бережно, почти извиняясь.

Он сжал в руке телефон. Вызвать охрану — значит признать свое поражение перед девчонкой в грязном комбинезоне.

— Мы еще встретимся, — бросил Илья, направляясь к выходу. — Когда придут демонтажники, вашим кисточкам здесь не место.

— Мы еще встретимся, — не оборачиваясь, эхом повторила Алина. — Когда придут демонтажники, вы поймете, что стекло — самый хрупкий материал на свете. В отличие от камня.

Дверь за Ильей закрылась, отрезая его от запаха скипидара и синего ультрамарина. Он вышел на лестничную клетку, где пахло только гарью и бетоном, и впервые за пять лет работы почувствовал, что его идеальный чертеж будущего дал трещину.

Глава 2. Синий цвет на сером бетоне

Утро началось с крика Станислава Игоревича.

Крик был не громким, а профессионально-ядовитым, отточенным годами управления творческими истериками. Он висел в динамике селектора, пока Илья пил кофе на сороковом этаже башни «Федерация».

— Илья, что за самодеятельность? Мне звонят из Департамента культурного наследия. Говорят, у нас в «Сфере» Врубель завелся. Какого черта я узнаю о существовании фресок из официального предписания, а не от своего главного архитектора?

Илья молча размешивал сахар. Ложечка звенела о фарфор слишком громко.

— Я отправил отчет с фотографиями вчера в десять вечера, — ровно ответил он. — Вы были офлайн.

— Мне плевать, когда я был офлайн! — рявкнул босс. — У нас сроки. Инвесторы из Эмиратов прилетают через три недели. Они хотят видеть первый ковш экскаватора в день их прилета. А ты мне присылаешь снимки какой-то дореволюционной мазни. Это не Врубель, Илья, это провинциальная роспись! Мы не можем остановить проект из-за каждой выцветшей стены!

— Это не мазня, — Илья закрыл глаза. — Это работа Алины Вороновой. Она была ученицей Серова. Если экспертиза подтвердит авторство, дом получает статус памятника регионального значения. Мы не имеем права трогать внутренние перекрытия. Только консервация.

В динамике повисла тяжелая пауза. Илья слышал, как Станислав Игоревич тяжело дышит в трубку, срывая злость на ком-то невидимом в кабинете.

— Значит, так, — голос босса стал опасно тихим. — Никакой консервации. Мы покупаем эту Воронову. Для мэрии. Для музея. Подарим им с помпой, пусть пишут в газетах, какие мы социально ответственные. А фреску — снять. Сегодня же. У тебя есть бригада реставраторов на подряде?

— Нет. Бригада уехала на объект в Казань.

— Найди кого угодно! — взорвался Станислав. — Хоть студентов из Строгановки. Но чтобы к вечеру этой мазни на стене не было. И чтобы девка... как ее... Алина... больше не переступала порог объекта. Она работает на город, а город — это мы. Объясни ей это.

Связь оборвалась.

Илья положил телефон на стол. Кофе остыл и стал горьким. Он ненавидел ложь. Но еще больше он ненавидел, когда рушились его графики. Снятие фрески — это три дня работы. Экспертиза — две недели. У них нет двух недель.

Он спустился на Сретенку к обеду.

У особняка Рябинина стоял желтый фургон с логотипом частной реставрационной мастерской, которую Илья нашел по срочному объявлению. Двое хмурых парней в синих комбинезонах курили у входа, поглядывая наверх.

Илья прошел мимо них, толкнул тяжелую дверь парадного. Внутри пахло озоном от работающих тепловентиляторов — ребята уже пытались просушить стены.

Алина была на лесах. Она стояла на высоте второго этажа, спиной к Илье, и аккуратно снимала слой за слоем. Внизу, на расстеленном полиэтилене, уже лежали первые спасенные фрагменты — куски синего неба и лепесток глицинии, вырезанный с хирургической точностью.

— Ты не имеешь права здесь находиться, — голос Ильи гулко разнесся под куполом.

Алина не вздрогнула. Она закрепила скальпель на поясе и медленно повернулась. Баланс на лесах у нее был идеальный.

— Имею, — она вытерла пот со лба тыльной стороной ладони, оставив на коже серую полосу. — У меня наряд-допуск. А вот вы, господин архитектор, сейчас нарушаете сразу две статьи административного кодекса. Нахождение на аварийном объекте без страховки и вмешательство в работы по сохранению наследия.

Она кивнула вниз. Илья только сейчас заметил, что парни-реставраторы внизу отложили сигареты и теперь внимательно смотрели на него.

— Я здесь по распоряжению собственника, — Илья шагнул к лесам. — Я снимаю тебя с объекта. Заказчик разрывает с твоей конторой контракт.

— Заказчик не платит мне, — Алина усмехнулась, и в ее чайных глазах мелькнул опасный огонек. — Мне платит государство. А оно, в отличие от ваших инвесторов, не боится судов. Слезайте оттуда. Вы весите килограммов девяносто, эти леса рассчитаны на шестьдесят. Они просто сложатся.

Илья посмотрел под ноги. Деревянные балки под ним действительно предательски скрипнули. Он замер. Впервые за много лет он почувствовал физическую, ненадежную хрупкость пространства под ногами. В его стеклянных башнях всё было просчитано до миллиметра. Здесь же дерево дышало, старело и грозило переломиться.

— Я предлагаю сделку, — сказал Илья, вцепившись руками в поручень. — Ты снимаешь фреску за три дня. Мы платим тебе тройной тариф. И ты уходишь.

Алина молчала так долго, что Илья успел пожалеть о своих словах. Он только что предложил ей взятку.

— Тройной тариф не вернет авторство, если вы порвете холст, — наконец сказала она. — Я не буду торопиться. У меня есть методика. Я сниму это за неделю. Если ваши люди начнут сверлить стены раньше, я вызову полицию. Прямо с лесов. Будет очень кинематографично.

Она отвернулась и снова взялась за скальпель. Разговор был окончен.

Илья спустился вниз, чувствуя себя униженным. Эти парни внизу смотрели на него без всякого почтения. Для них он был просто «белым воротничком», который пришел мешать настоящей работе.

— Инструменты привезли? — буркнул он бригадиру.

— В машине, — кивнул тот. — Только девчонка сказала не заносить. Говорит, клей другой нужен.

Илья выругался про себя. Он вышел на улицу, на февральскую слякоть. Москва гудела, пахла выхлопами и реагентами. Он достал телефон и набрал номер, который не набирал три года.

— Лёш, привет. Это Илья. Да, архитектор. Слушай, мне нужна консультация по живописи начала века. Срочно.

Лёша был его однокурсником, который ушел из архитектуры в арт-дилеры и теперь торговал русским авангардом, неплохо зарабатывая на этом.

Через час Илья сидел в прокуренной галерее на Винзаводе. Лёша, лысый, с золотой цепью на шее, крутил в руках планшет с фотографиями фресок.

— Ну, привет, совесть нации, — хмыкнул Лёша. — Станислав звонил мне уже. Плакался. Хочет, чтобы я оценил, во сколько обойдется откупиться от этой проблемы.

— Мне не нужно откупаться, — Илья подался вперед. — Мне нужно знать, сколько это стоит на самом деле. Если мы подарим это Департаменту, сколько мы сэкономим на судах?

Лёша увеличил фото. Пальцем в дорогом кольце провел по синему мазку.

— Это не Воронова, — сказал он наконец. Илья выдохнул. — Это лучше. Это Елена Поленова. Сестра того самого. Видишь технику наложения? Она работала с гуашью по сырой штукатурке. Экспериментировала. Таких интерьеров осталось в мире штук пять.

Илья закрыл глаза. Поленова. Это меняло всё. Это уже не региональный памятник. Это федеральный скандал.

— Она стоит миллионы, Лёш? — тихо спросил Илья.

— Она стоит репутации, — Лёша отложил планшет. — Если вы ее уничтожите или криво снимете, вас распнут. Если подарите — вас полюбят. Но знаешь, что я тебе скажу, глядя на эти фотки?

— Что?

— Девчонка-реставратор делает всё правильно. Она не просто снимает краску. Она снимает ее с подложкой, чтобы сохранить фактуру стены. Если вы ее выгоните и приведете своих костоломов, фреска осыплется в первый же день. Она единственная, кто может это спасти.

Илья вышел из галереи в сумерки. Снег, падавший с утра, превратился в ледяную крупу. Он набрал номер Станислава.

— Она работает, — сказал Илья, ежась от холода. — Поленова. Сестра художника. Если мы ее снимем сами — мы потеряем всё. Если она снимет — мы получим идеальный экспонат. Пусть работает. Я проконтролирую.

— Ты что, перешел на ее сторону? — зашипел босс.

— Я на стороне того, что не позволит нам сесть в тюрьму, — отрезал Илья. — Я буду на объекте завтра в восемь утра.

Он положил трубку и посмотрел наверх, на темные окна особняка Рябинина. Где-то там, под светом переносной лампы, Алина Воронова — почти тезка художницы — сейчас спасала чужое прошлое.

Илья поймал такси. Всю дорогу до Москва-Сити он смотрел в окно, на пролетающие мимо старые дома, и впервые заметил, как много на их стенах шрамов от времени.

В своей стеклянной квартире он впервые за пять лет подошел к окну не для того, чтобы оценить вид, а чтобы просто посмотреть на огни города. Он достал из кармана телефон, открыл сделанные вчера фотографии и долго смотрел на синий цвет, который упорно не хотел исчезать с серого бетона его идеального чертежа.

Глава 3. Геометрия и органика

Утренний свет в парадном зале особняка Рябинина был серым и плоским. Он не золотил пыль, как в кино, а делал ее похожей на пепел. Илья стоял внизу, задрав голову, и смотрел на Алину. Она уже была на лесах, на высоте почти четырех метров, и ее темная бандана казалась единственным ярким пятном в этом мертвом пространстве.

В руках она держала скальпель и шприц с каким-то прозрачным составом.

— Ты собираешься делать это без страховки? — крикнул Илья, перекрывая гул включенных тепловентиляторов.

Алина посмотрела вниз. В утреннем свете ее глаза казались не чайными, а цвета старого гречишного меда.

— У меня есть страховка, — она похлопала ладонью по деревянному поручню лесов. — Двести лет выдержки.

Илья стиснул зубы. Он пришел сюда не для пререканий. Станислав звонил в семь утра, его голос после вчерашнего скандала напоминал звук пенопласта по стеклу. «Она тянет время, — шипел босс. — Иди к ней наверх. Сядь на хвост. Если она не закончит к пятнице, я аннулирую ее договор через мэрию. А тебя уволю за профнепригодность».

Илья не хотел ее увольнять. Вчера, глядя на фотографии фрески, он впервые за долгое время почувствовал что-то кроме профессионального азарта. Но график был графиком.

— Спускайся, — приказал он. — Мне нужно проверить состояние лепнины под самым потолком. Твои леса стоят ровно под карнизом.

Она вздохнула, но спорить не стала. Спустилась быстро, спрыгнув с последней перекладины с кошачьей легкостью. Комбинезон на ней был на размер больше, и закатанные рукава открывали тонкие, испачканные в извести запястья.

— Какой сектор? — спросила она, вытирая руки о штаны.

— Юго-восточный угол. Там розетка аканта почти отвалилась.

Илья протянул ей страховочную привязь. Алина посмотрела на ремни так, словно он предлагал ей надеть смирительную рубашку, но молча позволила себя пристегнуть. Илья закрепил карабин за стальную балку, которую сам же вчера вмонтировал в стену для нужд демонтажа.

— Залезай, — сказал он. — Я подстрахую снизу.

Леса скрипнули, когда они оказались наверху вдвоем. Дерево было старым, оно пахло смолой и сыростью. Илья полез первым, показывая дорогу. Его движения были точными, экономными — механика, привыкшая к высоте строительных кранов и перекрытий небоскребов. Алина лезла следом, и Илья спиной чувствовал ее дыхание.

Они достигли нужного уровня. Илья включил лазерный уровень, закрепив его на поручне. Тонкая зеленая линия перечеркнула стену, обозначая идеальную горизонталь.

— Смотри, — Илья постучал ногтем по пластиковой части прибора. — Луч идет строго по горизонту. Если лепнина отклоняется от него больше чем на два миллиметра, значит, балка перекрытия над нами дала усадку.

Алина прищурилась, глядя на зеленую нить.

— Вы, архитекторы, одержимы мертвыми линиями, — тихо сказала она. Она достала из кармана лупу на веревке и надела ее на глаз. — Вы хотите, чтобы всё было прямым. Но дом живой.

Она протянула руку в перчатке и коснулась трещины в штукатурке, которая змеилась от потолка вниз, огибая гипсовый цветок.

— Видишь? — она провела пальцем по разлому. — Это не усадка балки. Это дерево под нами высохло слишком быстро прошлой осенью, когда топили сильнее обычного. Оно

сжалось. Штукатурка, которая росла вместе с этим деревом сто лет, не успела. Она лопнула здесь, как кожа.

Илья замер. Он смотрел на трещину и видел в ней только дефект, ошибку в расчетах, брак материала.

— Это физика, — буркнул он. — Коэффициент расширения.

— Это морщина, — Алина не отняла руки от стены. — Здание стареет, Илья. Вот здесь, — она коснулась едва заметной волнистости на глади стены, — это след от того, как в сорок первом году здесь дрожали стекла от зениток. Дом запомнил страх. А вот здесь, — она указала на темное пятно у плинтуса, — здесь стоял рояль. Дерево впитало лак и влагу от дыхания музыкантов. Если вы снесете это, вы снесете не просто камень. Вы снесете память.

Она говорила так просто и так убежденно, что Илья почувствовал себя неловко со своим лазерным уровнем. Он смотрел на ее руку на стене. Перчатка была в серой пыли, но жест был бесконечно нежным.

— Как ты это видишь? — спросил он тише, чем хотел.

— Я это чувствую, — она наконец опустила руку. — Когда прикасаешься, температура разная. Где сухо — холодит. Где влажно — отдает землей. А где жили люди... там теплее всего.

Она повернулась к нему. На узких лесах, пристегнутые к одной и той же стальной балке, они оказались слишком близко. Илья вдохнул запах ее волос — скипидар, табак и что-то неуловимо цветочное, возможно, просто запах ее шампуня.

— Теплее всего? — переспросил он, чтобы заполнить звенящую тишину.

— Да, — она смотрела ему прямо в глаза, и ее зрачки в полумраке чердака расширились, поглотив почти весь янтарь радужки. — Стены впитывают тепло тел. Вы строите из стекла. Оно отражает. Оно пустое. А это, — она снова коснулась стены, — это губка.

Илья забыл про Станислава. Забыл про сроки, про инвесторов из Эмиратов, про лазерный уровень, который продолжал чертить свою мертвую зеленую линию. Он смотрел на ее губы. Она только что говорила о смерти здания, но сама была воплощением жизни — теплой, пыльной, пахнущей клеем.

— Илья, — ее голос дрогнул. — Лазер. Он сейчас прожжет дыру в моей бандане.

Он опустил взгляд. Зеленый луч действительно упирался прямо в центр ее лба. Илья поспешно выключил прибор. В наступившей тишине стало слышно, как тяжело дышат тепловентиляторы внизу и как скрипит старая древесина под их ногами.

— Нам нужно работать, — сказал Илья, но не сдвинулся с места.

— Нужно, — эхом отозвалась Алина. Она смотрела на его губы.

Расстояние между ними сократилось до полуметра. До тридцати сантиметров. Илья чувствовал тепло, исходящее от ее тела сквозь слои грубой ткани. Он медленно, давая ей время отстраниться, протянул руку и коснулся ее щеки.

Кожа была горячей. Пыль на ней казалась золотым пушком. Алина закрыла глаза, прижимаясь к его ладони.

— Здесь нельзя, — прошептала она, не открывая глаз. — Пыль. У меня в легких и так половина Сретенки.

— Где можно? — так же шепотом спросил Илья.

Она открыла глаза. В них плясали чертики.

— Внизу. За экраном тепловентилятора. Там хотя бы не дует.

Спускались они медленнее, чем поднимались. Страховочный трос путался под ногами, леса предательски качались. Илья держал ее за талию, хотя в этом не было никакой технической необходимости. Его ладонь чувствовала каждый изгиб ее ребер.

Когда они оказались на полу, Алина отстегнула карабин. Илья щелкнул своим. Звук металла в тишине прозвучал как выстрел.

Она кивнула в сторону огромного полотнища плотного полиэтилена, натянутого в углу. За ним гудел тепловой вентилятор, создавая островок плотного, горячего воздуха, изолированный от сквозняков и взглядов с улицы.

— Иди туда, — сказала она.

Илья шагнул за экран первым. Воздух здесь был густым, пахнущим озоном и горячей пылью. Видимость — метра полтора. Он обернулся. Алина стояла у края полиэтилена, одной рукой держа лямку комбинезона на плече.

— Алина, — начал Илья, и сам не знал, что хочет сказать. Извини? Я сошел с ума? Я хочу тебя?

Она шагнула внутрь, и полиэтилен тяжело опустился за ее спиной, отрезая их от мира.

Она подошла вплотную. Теперь между ними не было воздуха. Она была ниже его на полголовы. Чтобы смотреть ему в глаза, ей приходилось чуть запрокидывать голову.

— Ты боишься старых зданий, — сказала она вдруг.

Илья моргнул.

— Что?

— Ты строишь стекло, потому что оно предсказуемо, — она положила обе руки ему на грудь, прямо над сердцем. Сквозь его пуховик и ее перчатки Илья чувствовал тяжесть ее ладоней. — Ты боишься, что, если построишь что-то из камня, оно тоже начнет стареть. Покроется морщинами. А ты не хочешь стареть, Илья.

Ее слова попали в самое больное место. В его страх перед сорокалетием, в его ужас перед тем, что однажды его идеальный план жизни даст трещину, как та штукатурка под потолком.

— Я не боюсь, — возразил он, но голос прозвучал слабо.

— Боишься, — она привстала на цыпочки. Ее дыхание коснулось его подбородка. — Но я могу научить тебя любить трещины.

Она поцеловала его.

Это не был поцелуй из кино. Не было музыки, не было плавного замедления времени. Был жесткий, требовательный рот, вкус скипидара и дешевого кофе, и пыль, которая теперь наверняка скрипела у них на зубах. Илья издал низкий горловой звук и ответил. Его руки, привыкшие держать планшеты и чертежи, запутались в ее волосах, сдергивая бандану. Темные, чуть влажные пряди упали на лицо.

Он прижал ее к себе так, что она охнула — не от боли, а от нехватки воздуха. Его ладони скользнули по ее спине, ощущая под грубым комбинезоном жар ее тела. Она была не хрупкой, как ему казалось издалека. Она была плотной, упругой, как хорошо просушенное дерево.

Алина вцепилась пальцами в его плечи, притягивая еще ближе. Она отвечала на поцелуй с той же сосредоточенностью, с какой утром резала скальпелем бумажные слои — жадно, точно, не оставляя зазоров.

Илья подхватил ее под бедра. Она мгновенно обхватила его талию ногами, используя центурку комбинезона как броню. Они качнулись, задев локтем гудящий вентилятор. Горячий воздух ударил в лицо.

— Тише, — выдохнула она ему в губы. — Леса не выдержат, если мы рухнем на них отсюда.

Илья усмехнулся, прижимая ее к полиэтиленовой стене. Полиэтилен затрещал.

— Я архитектор, — пробормотал он, покрывая поцелуями ее шею. — Я знаю сопромат.

— Ты просто мужчина, — она нашла его ухо губами. — И у тебя дрожат руки.

Ее правота была такой же абсолютной, как законы физики. Илья действительно дрожал. Не от холода — здесь было жарко, как в сауне, — а от того, что его идеальный, стерильный мир треснул по швам, и в эту трещину хлынула жизнь.

Он опустил ее на ноги, но не отпустил. Алина тяжело дышала, прислонившись лбом к его плечу. Ее глаза были темными, почти черными.

— Нам нужно закончить с карнизом, — сказала она хрипло. — До вечера.

— До вечера, — согласился Илья, не узнавая собственного голоса.

Они вышли из-за экрана. В зале по-прежнему пахло пылью и одиночеством, но теперь этот запах был для Ильи другим. Он больше не пах пустотой. Он пах ею.

Алина молча взяла свой скальпель, поднялась на леса и включила налобный фонарь. Узкий луч света выхватил из полумрака синий ультрамарин фрески.

Илья остался стоять внизу. Он смотрел на ее спину, на то, как уверенно движется ее рука с инструментом, и понимал, что его чертеж бизнес-центра «Сфера» сегодня утром безвозвратно изменился. В нем появилась органика. Появилась трещина. И он впервые в жизни не хотел ее заделывать.

Глава 4. Клей на костном бульоне

Зимний вечер опустился на Сретенку внезапно, задернув небо тяжелым бархатным пологом. В особняке Рябинина стало невозможно работать без искусственного света. Илья привез из бюро два мощных строительных прожектора. Под высокими сводами бывшего парадного зала теперь царил искусственный полдень, режущий глаза своей белизной. Пыль в лучах прожекторов висела густым, почти осязаемым золотым туманом.

Они работали уже двенадцать часов. Алина сидела на маленьком складном стуле перед фрагментом фрески, натянутым на специальный подрамник. В руках у нее была тончайшая кисть из беличьего волоса. Она не снимала фреску — она лечила ее. Укрепляла отставший от штукатурки грунт.

Илья сидел на перевернутом ящике в трех метрах от нее. Он должен был проверять лазерные сканы перекрытий, отправлять отчеты Станиславу и следить за влажностью. Но вместо этого он смотрел, как двигается кисть Алины.

Она макала ее в небольшую стеклянную банку. Внутри была густая, желтоватая, студенистая масса.

— Что это? — спросил Илья, чтобы нарушить гнетущую тишину, которая давила на барабанные перепонки после гула тепловентиляторов. — Сопли динозавра?

Алина не улыбнулась. Она была бледной от усталости, под глазами залегли глубокие тени, но руки двигались с прежней, нечеловеческой точностью.

— Это рыбий клей, — ответила она, нанося тончайший слой состава на край отставшего мазка. — Варится из плавательных пузырей осетровых. Самый лучший.

Она подцепила пинцетом тончайший листок папиросной бумаги и аккуратно наложила его на клей.

— А раньше, — продолжила она, разглаживая бумагу мягким тампоном, — до революции, варили на костном бульоне. Брали говяжьи кости, вываривали их сутки, снимали жир... Получалась такая янтарная, прозрачная основа. Краски на ней живут веками. Твой бетон проживет столько?

Илья посмотрел на свой планшет. На экране светилась схема армирования перекрытий. Высокопрочный бетон марки В40. Срок службы — сто лет до первой капитальной коррозии арматуры.

— Бетон не должен жить, — сказал он. — Он должен служить. Сто лет — это десять поколений арендаторов. Этого достаточно.

— Для вас достаточно, — Алина отложила кисть и потянулась, разминая затекшую шею. Раздался тихий, болезненный хруст позвонков. — Для вас всё — расходный материал. Включая людей.

Илья почувствовал укол раздражения. Он встал, подошел к ней ближе. В ярком свете прожектора он увидел каждую оспинку пыли на ее щеке и морщинку усталости в уголке глаза.

— Не начинай, — попросил он. — Я сегодня отстоял тебя перед Станиславом. Я сказал ему, что без тебя мы получим не фреску, а мозаику из битого стекла. Я рискую своим бонусом, Алина.

— Ты рискуешь своей совестью, — она подняла на него взгляд. В искусственном свете ее глаза потеряли свой чайный янтарь и стали просто темными, как стоячая вода. — Ты ненавидишь то, что строишь. Я же вижу, как ты смотришь на свои чертежи. Как на приговор.

Илья замер. Он никому этого не говорил. Никогда. Даже психотерапевту, которого посещал два года назад по настоянию отца, чтобы «научиться справляться со стрессом».

— Я его боюсь, — тихо признался Илья, глядя на банку с рыбьим клеем. — Станислава. Если я потеряю этот проект, я вернусь в отдел типового проектирования. Рисовать коробки

для человейников в Некрасовке. Я ненавижу стекло. Оно холодное. Оно звенит, когда идет дождь, и это сводит меня с ума. В моей квартире в Сити я слышу, как воет ветер на высоте сорокового этажа. Он воет в стыках панелей, как в печной трубе. Это звук пустоты.

Он говорил это ей — девушке, которая пахла костным клеем и пылью, которая жила, наверное, в какой-нибудь коммуналке или съемной однушке в хрущевке. Он открывал перед ней свою самую жалкую, самую уязвимую часть.

Алина молчала долго. Она взяла со стола фарфоровую пиалу, в которой остывал густой, как деготь, чай, и протянула ему. Илья взял ее замерзшими пальцами. Чай был сладким и пах какими-то травами.

— Мой дед был краснодеревщиком, — наконец сказала она, глядя в пустоту зала. — Мы жили в Нижнем Новгороде, в старом деревянном доме на улице Ульянова. Резные наличники, печь-голландка, скрипучие полы, которые пели, когда кто-то шел на кухню.

Она сделала глоток из своей пиалы.

— Мне было двенадцать. Зимой прорвало трубу в подвале. Горячая вода. Дерево начало гнить на глазах. Жильцы разъехались по родственникам, а нам некуда было. Городская администрация признала дом аварийным.

Ее голос стал жестким, в нем зазвенел застарелый лед.

— Приехали рабочие. Не такие, как твои аккуратные инженеры с лазерными сканерами. Настоящие мясники. Они начали срубать наличники топорами, чтобы быстрее освободить площадку. Дед вышел. Он встал перед домом. Он не кричал. Он просто стоял с топором в руках — тем самым, которым вырезал эти узоры. Сказал, что убьет любого, кто тронет ставни.

Илья смотрел на нее, боясь дышать.

— Его забрали, — Алина усмехнулась, но в усмешке не было веселья. — В психушку. Сказали, старческий маразм, привязанность к вещам. А дом сожгли. Чтобы не возиться с разбором. Просто облили бензином и подожгли. Зима, минус тридцать, а он горел. Пахло паленой краской и горелым мясом... Дед так и не вышел из больницы. Сгорел изнутри.

Она замолчала. Илья стоял с чужой пиалой в руках. Горячая керамика обжигала ладони, но он не мог ее поставить.

— Поэтому ты здесь? — хрипло спросил он.

— Поэтому, — кивнула она. — Я не спасаю камни, Илья. Я спасаю то, что люди вложили в эти камни руками. Когда я вижу, как какой-то упырь вроде твоего Станислава хочет снести это место ради парковки, я вижу тот огонь. Я вижу топор на наличниках. Я не могу этого допустить.

Она посмотрела на него в упор.

— А ты почему здесь? Ты же мог послать меня. Мог привести своих костоломов. Твой график бы не пострадал, просто в музее лежал бы кусок осыпавшейся краски, а не фреска. Почему ты солгал боссу?

Илья поставил пиалу на ящик. Его руки дрожали.

— Потому что ты права, — он провел ладонью по лицу, стирая испарину. — Я смотрел на те фотографии... на этот синий цвет. Я вспомнил, как в детстве отец водил меня в Пушкинский музей. Там была маленькая картина... не помню кого. Лодка на реке. И там был точно такой же оттенок синего. Я стоял перед ним полчаса. Мне казалось, если я моргну, он исчезнет.

Он шагнул к ней, сокращая расстояние до минимума. Теперь он чувствовал тепло, исходящее от ее рабочей лампы.

— Я строю стекло, потому что оно не требует памяти. Стеклу всё равно, кто в нем живет. Оно не болит. Но смотреть на эту фреску... это как смотреть на живого человека. Я не могу приказать его убить. Если я это сделаю... я стану тем мужиком с топором, который срубил наличники твоего деда.

Алина смотрела на него долго. Ее лицо в резком свете прожектора казалось высеченным из камня — усталым, резким, невероятно красивым.

— Ты боишься стать им, — сказала она. — Но ты уже почти им стал. Ты работаешь на него.

— Я уйду, — Илья сказал это так твердо, что сам удивился. — Как только мы закончим с этой стеной. Я напишу заявление. Мне плевать на бонусы. Я больше не хочу слушать, как воет ветер в Сити.

— Чем будешь заниматься? — в ее голосе не было ни жалости, ни насмешки. Только тяжелый, прагматичный интерес. — Рисовать наличники? На них сейчас нет спроса.

— Я буду строить так, чтобы не нужно было ничего спасать, — Илья протянул руку и коснулся ее щеки. Кожа была горячей, почти обжигающей. — Интегрировать. Не сносить.

Алина наклонилась к его руке. Ее губы коснулись мозолистой подушечки его пальца — того самого, которым он только что водил по экрану планшета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.